

Глава 2. МЕТАМОРФОЗЫ МОДЕРНА

«Имплозия масс» как паллиатив классово-идеологического Модерна

В настоящее время репрезентация в общественном сознании политической нации как «гражданского общества» активно вытесняет классово-идеологические способы самоописания социальных групп, которые подчеркивают конфликтность политического взаимодействия и реальное столкновение классовых интересов. Популистская идеология «гражданского общества» подменяет классовые, конфликтные политико-идеологические категории нейтральной терминологией. Эта идеология предлагает бесконфликтные метафоры политики, внутри которых отсутствуют фундаментальные идеологические противоречия, а все наличные проблемы можно урегулировать путем гражданского консенсуса и общественного договора. Поэтому концепт гражданского общества – это прежде всего стратегия, направленная на сохранение существующего статус-кво, действующей власти и правящего класса.

Наша исходная теоретическая посылка состоит в том, что модернистская политика, оформленная как борьба партий и идеологий, выражающих интересы реальных социальных групп, все менее соотносится с реальностью актуальной политики. Соответственно, происходит трансформация классических легитимирующих постулатов, институтов и идеологий модернистских политических систем. Модернистская борьба идеологий, где каждому коллективному социальному субъекту соответствовал субъект теоретический, рефлектирующий интересы своей социальной группы, больше не является стержнем реальной политики. Пост-идеологические общества все менее склонны представлять себя в жестких классово-идеологических катего-

риях. *«Гражданское общество» как концептуальная идеология является лишь паллиативом модернистской партийно-политической системы, партий и «великих идеологий».*

В актуальной российской политике исчезает четкое закрепление идеологических предпочтений за социальными группами и классами. Социальные группы растворяются как реальные политические субъекты. Соответственно идеологические критерии теряют привилегию при самописании политических субъектов. Отсюда – феномен фрагментации привычных идеологических общностей. Политические субъекты начинают обращаться одновременно к множеству культурных, национальных, языковых, возрастных, религиозных сегментов общества, где общим адресатом выступает механическое большинство, которое часто именуют гражданским обществом. Однако это большинство не «социально», то есть его трудно найти в реальности, а статистически «виртуально».

И органическая, и массовая, и «потребительская», и «гражданская» метафоры политического общества являются на самом деле его властными репрезентациями. Попытки подняться над «классовой политикой» и занять надпартийную позицию «вне политики» указывают на манипулятивный характер подобных метафор. На тот очевидный факт, что правящий класс, в отсутствие значимых системных политических субъектов вне власти, вполне успешно решил классовый конфликт в современном российском обществе в свою пользу. Поэтому пессимистические концепции «имплозии масс» и «конца социального» (Ж. Бодрийяр), виртуализации политики и делегитимации политического механизма представительности, лежащего в основе современных демократий, выглядят не столь уж фантастическими.

Замещающая идеология гражданского общества пришлась здесь очень кстати. Власть в рамках публичной политики уже не связана социальными контрактами, так

как ее некому «связывать», но сама активно формирует в виртуальном политическом пространстве «новые социальные группы». В данной ситуации реальные социальные группы, превращаются из коллективных субъектов в чистые объекты политики, которые лишь «подключаются» к реальному властно-политическому порядку с помощью выборов, опросов общественного мнения, СМИ и т.п.

Власть в условиях политической апатии и «молчащих масс» уже не связана демократическими формами обратной связи: ни корпусом избирателей – выборами, опросами, ни социальными классами – борьбой за институализацию интересов, ни гражданским обществом как субъектом, призванным вести «правовой диалог» с властью. Оказалось, что эффективность политической власти не слишком зависит от ее формальной демократичности. «Демократическое большинство» просто не ходит на выборы. Важным фактором дискредитации политической демократии явился процесс «закрытия» российской политической элиты: карты в политической колоде стали фактически неизменными, а результат их перетасовки – почти незаметным.

Таким образом, *в отсутствие универсального идеологического критерия, разделяющего общество на конфликтующие социальные группы, партии, идеологии – социум «вне государства» превращается не в сознательное гражданское общество, а в «молчащие политические массы».* Субъект-субъектное взаимодействие классов и партий, опирающихся на идеологии и реальные коллективные социальные интересы, превращается в субъект-объектное взаимодействие власти и масс. Соответственно политической стратегией власти в ситуации пост-Модерна становится симулирование политической субъектности «молчащих масс». «Молчание масс» не соответствует канонам современной демократии и концептуальная форма гражданского общества, призванного эту субъектность проявить, является весьма эффективной для легитимации действующей власти.

Гражданское общество в данном случае призвано выступать как противовес государства, подтверждающий реальное существование модернистской идеологической политики. Однако этот противовес, на самом деле – виртуальный, то есть необходимо поддерживаемый властью в собственных интересах. Гражданское общество не опасно для власти, поскольку не идеологично, в отличие от партий, оно не озвучивает политико-идеологических интересов реальных социальных групп.

Популистская модель противопоставления гражданских интересов государству архаична, поскольку опирается на объяснительную структуру, связанную с «индивидуализацией социального». Эта идеологема противоположна идеологиям и утопиям, которые, как правило, «социализируют индивидуальное». Она предназначена не идеологическим общностям – «классам для себя», а фрагментированным «молчащим массам», отождествляясь со здравым смыслом, самоочевидным, мнением большинства. Отсюда целевая установка данной идеологемы – не на определенную социальную группу, а на завоевание общества в целом. Концепция гражданского общества – это игра ожиданиями политических масс в целом, их страхами, мифами, мечтами и т.п., где основной задачей является не борьба за идеологически «правильное» бытие, а производство легитимирующей власть комфортного сознания. Герменевтический крен пост-идеологической политики состоит в том, что борьба ведется не за реальность, а за «правильную» интерпретацию этой реальности. И здесь виртуальное гражданское общество противопоставляется реально существующим социальным группам как реальным субъектам модернистской политики. Не поиск справедливости, а пропаганда эффективности лежит в основании современной апологетики гражданского общества, указывая на его элитарный властно-политический дискурс.

Бессубъектность гражданского общества

Ловушка концепции гражданского общества в том, что настоящие идеологии не могут быть надпартийными, объективно отражающими интересы всего общества, народа, нации. Здесь можно наблюдать логику описания общества, связанную с подменой политико-идеологических и социологических категорий (классы, государство, идеологии, партии, справедливость), акцентирующих внимание на реальной конфликтности политического взаимодействия внутри общества различными культурологическими, религиозными, антропологическими терминами (индивид, язык, религия, этнос, культура), то есть понятиями, с помощью которых якобы можно решить политические конфликты путем «интеллигентного консенсуса», деполитизации, плюрализма, выработки «общенациональных интересов», внедрения институтов гражданского общества, воспитания толерантности, то есть «безразличия к отличиям» и т.п. Но появление некой «национальной идеологии», снимающей все классовые, социальные, экономические и прочие противоречия, означало бы конец политики в современном ее понимании и наступление «коммунистического рая», общества без антагонизмов. Поэтому подобные интерпретации политики в манипулятивных целях скрывают своих реальных политических заказчиков, олицетворяющих власть.

Вместе с тем вытеснение гражданским обществом «классового общества» Модерна носит объективный характер. Поскольку привычные социальные группы, в рамках которых индивид получал доступ к реальной политике, ее целостную интерпретацию, находятся в кризисе, соответственно, индивид отчуждается от политики. Отсюда субъективный «иммунитет к политике». Идеологии продолжают оперировать реальностью, в то время как социальные группы и классы, превратившись в политическую массу, давно виртуализировались. Соответственно, если традиционные

идеологии опираются на реально-онтологические группы (классы), то политическое сообщество, классифицируемое как «гражданское», фактически состоит из антагонистических идеологических сегментов, что было бы невозможно в условиях идеологического Модерна. Поэтому пост-идеологические, популистские политические программы адресованы не реальным социальным группам, а направлены на манипуляцию атомарными индивидами.

Проиллюстрировать данный вывод может двойной процесс деградации представительной демократии, выраженный, с одной стороны, популистской «глобализацией» партий, адресующих свои послания всему обществу, с другой – локализацией политических идей, как формой поиска опоры у меньшинств, зачастую реально противостоящих друг другу. При этом меняется функция популистских политических партий, которые уже не могут претендовать на статус защитников классовых интересов. Она состоит не в отстаивании интересов социальных групп, а в том, чтобы придавать вторичным категориям, легитимирующим властного политического субъекта, например, гражданскому обществу, демократии, свободе, правам человека, рынку, большую субъективную важность, чем «естественным» политическим потребностям: безопасности, справедливости, равенству, социальным гарантиям, труду и т.п. Отсюда же проистекает та степень свободы, которой располагают политтехнологи, конструируя партии, идеологии, идеологемы, партийные программы, предпочтения избирателей. Партия власти клонируется в нескольких ипостасях, симулируя, в том числе, и оппозицию себе самой.

Подобное искусственное конструирование возможно лишь тогда, когда идеологии, партии, социальные группы исчезают из регистра политической реальности, продолжая функционировать лишь в качестве симулякров. В противном случае противоречие реального Модерна со своими

симулякрами оказалось бы гибельным для последних. Поэтому в условиях политической атрофии социальных групп, отсутствия реальных политических субъектов вне власти, симуляция идеологических противоречий часто производится самой властью. Таким образом, с одной стороны, производится замена системы модернистских политических партий деятельностью неполитических организаций гражданского общества, лоббирующих свои частные интересы, с другой – властным популизмом, озвучивающим ожидания и предпочтения политических масс в целом. Здесь реальные референты гражданскому обществу уже не требуются.

Властная «виртуальная сборка» социальных групп, в том числе и реально антагонистических по своим интересам, в «гражданское общество» вполне может сконструировать формальное большинство. Возникает модель «плюралистической миноритарной демократии», прямо противоположной своему классическому мажоритарному определению – опоре на волю большинства. Однако слияние антагонистических фрагментов идеологических парадигм перерастает в синтез только в одном случае: если будет найдена новая политическая парадигма, позволяющая переформулировать старые конфликты.

Подобным паллиативом и становится концепция гражданского общества, которая включает в себя теории общества потребления, информационного и постиндустриального общества, легитимируется идеей прагматичного «среднего класса». Акцент политической деятельности смещается от цели к средствам: от всеобщего блага к эффективности управления, от объекта к субъекту, от практического изменения реальности к борьбе за ее интерпретацию. Концепты гражданского общества и среднего класса действительно смогли на Западе объединить на внеполитической основе социальные группы с различными системами ценностей и

частично преодолеть постмодернистскую фрагментацию единого политического поля. Проблема заключается в крепости этого «гражданского союза», обеспеченного экономическим благосостоянием, его идейной глубине – способен ли он преодолеть традиционные социальные границы и универсальности, можно ли будет соблазнить им остальные мировые цивилизации как великой целью?

Пока же можно наблюдать, как кризис универсальных прежде идеологических критериев разрушает механизм политической идентичности. Более того, социальные группы, не имеющие общей идеологии, перестают существовать в реальности. Деидеологизация политики подтверждается феноменом «фрагментации политической идентичности». Пост-советскому избирателю при всем желании сложно идентифицироваться с какой-либо «реальной идеологической группой», поскольку советские группы не функционируют, а «новые социальные группы» в классическом виде могут вообще не сложиться. Гражданское общество, к которому могут себя причислить все желающие, является в данном случае идеологической универсалией, которая вряд ли способна помочь человеку в осуществлении его конкретного политического интереса.

Кроме того, власть в массово-информационном обществе как никогда раньше способна контролировать процессы общественных изменений, предупреждать собственные альтернативы отрицания, гасить еще не вспыхнувшие возмущения, симулировать «гражданские резонансы» и «общественное мнение». В этом и заключается проблема пассивности и бессубъектности «гражданского общества», не имеющего реальной возможности формулировать для «закрытой» правящей элиты значимые политические альтернативы, с которыми власть обязана считаться.

Слабость проекта гражданского общества связана и с тем, что людям все меньше «есть что сказать друг другу» о

том, что касается их общей судьбы. Скрепки intersubъективного пространства политики в виде гражданского общества, нации, государства, партий, профсоюзов и т.п. растворяются в подсознании масс и перестают быть реальной силой, значимыми смысловыми ориентирами в атомизированной политической реальности. В силу этого факта, гражданское общество и его ядро – мифический, «потерявшийся» в условиях современной России «средний класс», используются властной элитой лишь как легитимирующая идеологема.

Например, нельзя не отметить, что до недавнего времени дискурс большей части «фондовых» и «грантовых» работ был ангажирован политической транзитологией и жесткой идеологической парадигмой модернизации: тоталитаризм-демократия, план-рынок, негражданское-гражданское и т.п., а также модной гендерной, феминистской, «сетевой» проблематикой, почти не актуальной в современной российской действительности. Следует заметить, что универсальная парадигма модернизации, в которой речь идет о превращении любого негражданского общества в гражданское, использует классические просвещенческие дуальные схемы: народ – гражданское общество, демократия – тоталитаризм, архаическое – современное, аграрное – индустриальное. Будучи оценена с точки зрения морали, эта транзитологическая парадигма приобретает предельно упрощенный черно-белый вид, когда дуальные связки приобретают вид борьбы добра – зла.

Поэтому политологические работы, описывая политическую реальность с помощью упомянутых категорий, предписывают ей заранее те или иные моральные свойства, заявляя при этом о своей культурной, политико-идеологической и моральной нейтральности. Но подобный отстраненный нейтралитет в политике и политической науке аморален уже априори. Как пронизательно отмечает К. Шмитт,

в предельно общем виде само «решение о том, является ли нечто *политическим*, всегда означает *политическое* решение, независимо от того, кто его принимает и какими обоснованиями оно оснащается»¹.

Гражданское общество в современных интерпретациях рассматривается, как правило, в виде среды, состоящей из неполитических или полу-политических неправительственных организаций. Оценка их деятельности зависит от того, в чьих интересах они действуют. Они могут быть союзниками рабочего класса, оппозиции, «меньшинств», создающих свои интересы гражданских организаций, и союзниками государства, элиты, правящего класса. С классовой модернистской точки зрения, гражданское общество вовсе не является необходимым. Зачем буржуазии гражданское общество, если она и так владеет государством? То есть, гражданское общество – это эвфемизм, призванный скрывать реальное положение дел, связанное с доминированием правящего класса. Соответственно гражданское общество создается властью для «спуска пара», но не для решения фундаментальных вопросов.

С другой стороны, неомарксист А. Грамши отмечал, что в условиях политического авторитаризма и монопартийности гражданское общество, подразумевающее наличие сферы публичной политики, может стать организационной формой подрыва буржуазного статус-кво². Здесь апология гражданского общества становится прерогативой оппозиции и формой борьбы в условиях невозможности прямого политического противостояния. Типичный пример тому – позитивная идеологема гражданского об-

¹ Шмитт К. Политическая теология // Политическая теология. Сборник. М., 2000. С. 12.

² Грамши А. Партии, государство, общество // Тюремные тетради (избранное). Т. 1. М., 1991.

щества, развиваемая диссидентами. Она являлась своего рода интеллектуальным терроризмом в отношении официально-государственной идеологии, который взрывает господствующий идеологический код политической системы. Он эффективнее в том, что взрывает не дома, а общественное сознание, подтачивая устоявшиеся «естественнополитические» идеи. Та же тактика присуща зеркальному отражению советских диссидентов – западных постмодернистов.

Гражданское общество – поле борьбы частных интересов?

Постсоветская Россия в полной мере продемонстрировала торжество «негативной свободы» гражданского общества от государства как высшего блага, противопоставленного в качестве легитимирующей мифологемы всем прочим политическим ценностям. Результаты либеральных реформ дали прочувствовать российским гражданам на собственном опыте, что политическая свобода является вторичным, синтетическим благом, которое может быть актуализировано лишь тогда, когда человек имеет доступ к удовлетворению базовых потребностей: в питании, жилье, работе, безопасности, образовании и т.п.

Гражданское общество само по себе не является универсальной панацеей от социальных патологий, а неправительственные организации, входящие в гражданское общество, вовсе не обязательно моральны, благородны, прогрессивны, движимы высокими идеями. Стоит отметить, что часть организаций гражданского общества финансируется самим государством (например в США государство финансирует половину совокупного бюджета неправительственных организаций), часть организаций лоббирует интересы ФПГ, часть занимается прямым подрывом государства, финансируемая внешними агентами. Речь идет о различных

экстремистских «гринписах», правозащитных борцах за мир и права человека, этнические привилегии, возврат Курильских островов и т.п. То есть гражданское общество, включающее все негосударственные организации, не обязательно преследует высокоморальные цели и печется о «всеобщем благе», в отличие от «плохого государства».

Организации гражданского общества борются не «за мир во всем мире», а за свои частные интересы и блага. Эти интересы и блага часто вступают в конфликт друг с другом. Например, диаметрально противоположны интересы обществ охотников и вегетарианцев, профсоюзов и промышленников, экологов и автомобилистов. Тот же конфликт продолжается на уровне ценностей: свобода слова противоречит праву на защиту от клеветы, права человека могут противоречить интересам общества (государства). И определять, что является большим общественным благом, в каждом случае должно все-таки национальное государство и система права как сфера всеобщего интереса, а не конкурирующие частные интересы в рамках гражданского общества, перманентный конфликт которых неустраним.

Более того, попытки утверждения права за государством контроля неправительственных организаций могут обернуться приватизацией государства, когда государство институционально деградирует, начиная обслуживать кланово-корпоративные и отдельные финансово-промышленные интересы. Кроме того, активность лоббистских структур гражданского общества может государство разрушать. Поэтому мирный характер гражданского общества иллюзорен. Поддерживать гражданское общество «в рабочем состоянии» может лишь конфликт социально-экономических интересов, выраженный в конфликте политических субъектов. Отсутствие конфликтности пробуждает сомнения по поводу реального существования субъектного гражданского общества.

С другой стороны, остается неясным, как организации гражданского общества не опираясь на идеологии могут выражать политические интересы входящих в них граждан, и как уровень интересов и проблем организаций гражданского общества можно интегрировать с частного до политического уровня. Любая организация гражданского общества борется за свои интересы, реализовать которые чаще всего можно только политическим и законодательным путем. Поэтому неполитический характер различных некоммерческих организаций гражданского общества весьма условен.

Основная проблема, вырастающая из различной интерпретации концепции гражданского общества в Европе и в России, состоит в том, что в Европе гражданское общество подразумевает гарантированную правом автономии человека и его интересов от государства, а частной сферы жизни – от публично-политической. В России гражданское общество стали интерпретировать, как ни странно, чуть ли не с позиций Античности и понимания гражданства в греческих городах-полисах, приписывая ему то, чем оно никогда не являлось на Западе. Гражданином в России стал считаться только тот, кто активно участвует в публичных общественно-политических процессах и в жизни других людей. Но этот принцип характеризует скорее не современное атомарное гражданское общество, а граждан античных полисов, либо соборный народ. Противоречие в том, что российское гражданское общество трактуется именно как политическая общность, приходящая на смену понятию «народ».

По мнению российских либералов, позитивной характеристикой гражданского общества выступает почему-то политическая свобода, а противником гражданского общества предстает государство, воплощающее силу, власть, легальное насилие расцениваемые в моральном аспекте как

зло. Государство трактуется как антипод и «негатив» гражданского общества. Однако если обратиться к классическим концепциям гражданского общества, связанным с именами Гроция, Гоббса, Локка, Руссо, то окажется, что гражданское общество и государство как институциональное оформление общественного договора в них почти тождественны, а концепция «гражданского общества» используется для описания ситуации перехода народов к государственному, гражданскому, национальному состоянию.

Особенностью, но не исключительностью России является то историческое обстоятельство, что в российской альтернативной версии «советского модерна» государство не противопоставлялось, а наоборот, отождествлялось с обществом (народом), выступая не как механическая сумма индивидов, а именно как неделимая духовная целостность, приоритетная перед каждым из своих членов как всеобщее перед частным. Потому индивид и не нуждался в своей защите «добрым гражданским обществом» от «злого государства», что они для него суть одно и то же. Нельзя не заметить, что община как микромодель «теплого общества», принципиально отличается от общества гражданского с его микромоделью протестантской секты, в котором, следуя «естественному» механизму конкуренции, идет непрекращающаяся «холодная война всех против всех». Тотальность (но не тоталитаризм) русской общины выражался прежде всего в том, что она вовлечена в судьбы составляющих ее людей. Человек общины не является суверенным гражданским атомом, он составляющая целого, представитель всего советского народа, который в отличие от гражданского общества не является механической агрегацией суммы индивидов, составляет качественно иное социальное образование, по аналогии с расширенной до политического состояния семье.

С позиций традиционного общества гражданское общество характеризуется как «падшее состояние», где инди-

виды отпали от скрепляющих их на земле органических социальных форм существования, через которые только и была возможна трансляция божественной благодати. Поэтому позитивистская индивидуалистическая картина политики критикуется здесь как слишком частная, механистическая и неполная, когда вывод социально-политического устройства общества осуществляется из посясторонних, «земных» концепций: общественный договор, естественное состояние, гражданское общество, материальная эволюция социально-политических формаций и т.п. В свое время исторический момент, когда сословная структура сломана, а классовая еще не устоялась, породил в Европе утопическую социальную иллюзию равенства в свободе, «в гражданском обществе», позже разрушенную различного рода политическими цензами: буржуазия уже не нуждалась в политических союзниках.

Поэтому российская власть интуитивно и сегодня добивается эффективности и легитимности, следуя именно ряду противоречащих современности, но тем не менее эффективных традиционно-культурных архетипов, содержащихся в латентном виде в этой современности. Например, концепт органического народа-государства, политической общины противостоит здесь концепту вторичного гражданского общества, которое предполагает в качестве своего условия разбивку на индивидов-атомов и последующую сборку «идеологического трансформера» модерна.

О «малой» и «большой» политике¹

На наш взгляд, гражданское общество предполагает существование в политике как минимум двух значимых политических субъектов: власти и оппозиции, что предполагает

¹ Термины «малая» и «большая» политика ранее использованы Б.Г. Капустиным. См.:

<http://politstudies.ru/universum/esse/11kap.htm#26>

ет конкуренцию и ротацию элит в результате народных выборов. Это состояние можно назвать «большой политикой». «Большая политика» связана с реальным выбором, в ходе которого осуществляется свобода политических субъектов. Результат этого выбора непредсказуем. «Большая политика» как реальная демократия захватывает не только элиту, но и большинство населения, являясь ни чем иным как «гражданской религией», принципы которой разрабатывал Ж.-Ж. Руссо: «Требуется длительное извращение чувств и мыслей, чтобы люди могли решиться принять за господина себе подобного и льстить себя надеждою, что от этого им будет хорошо». Руссо об этом писал: «Существует исповедание веры чисто гражданское, статьи которого надлежит устанавливать... как правила общежития, без которых невозможно быть ни добрым гражданином, ни верным подданным»¹.

Но проблема заключается именно в том, что ценности гражданского общества, демократии, свободы, прогресса, выборов и т.д., покинув рамки умозрительной политической философии, превращаются в символы веры для обывателей. Обычный гражданин не может содержательно объяснить или доказать необходимость этих догматов, он просто в них верит, так как это соответствует его здравому смыслу. Поэтому легитимирующая сила концепции гражданского общества вытекает из превращенной формы религиозного оправдания власти, будучи связана с заменой кода «морализации власти» на «экономизацию власти». Здесь политические символы веры материализуются в основном на экономическом коде подсчете голосов. Бог выступает в качестве гражданского общества, которое не может ошибаться. Политические истины говорят здесь не через избранных, а именно через массу, большинство, здравый смысл, «самоочевидное».

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре ... Гл. VIII. О гражданской религии // Трактаты. М., 1998.

«Малая политика» – это всего лишь управление и администрирование, «воспроизводство статус-кво» (Б.Г. Капустин). В условиях «малой политики» существует лишь один доминирующий и значимый политический субъект – власть. Оппозиция в широком понимании (как все невластные субъекты) не может в условиях «малой политики» влиять на политические решения. Теоретический оппозиционный субъект может выжить и функционировать лишь в форме социальной критики, в форме поиска потенциального политического субъекта, альтернативного субъекту власти. В ситуации идеологического статус-кво роль такого виртуального субъекта могут выполнять организации гражданского общества.

Здесь весьма поучителен пример диссидентской системы идей, связанной с борьбой за свободное гражданское общество против подавляющего политические свободы государства. Очевидный факт, состоящий в том, что гражданское общество представляет сферу реализации частных интересов граждан, а государство представляет сферу всеобщего национального интереса – был отодвинут диссидентами на второй план. С крушением советского государства диссидентское движение естественным образом дискредитировались в общественном мнении, превратившись в «демшизу». Оказалось, что диссиденты в большинстве боролись не за гражданское общество, а против советского государства. В отсутствие советского государства общество стало едва ли более «гражданским», чем ранее. Тем не менее, нельзя не отметить компенсаторной функции подобного рода оппозиции, которая была связана именно с необходимостью «оживления» омертвелой политической системы, привнесения в нее через ее же расшатывание, как это ни парадоксально, определенной степени свободы, которая эту систему либо укрепляет, либо разрушает.

Основной прием «малой политики», заключается в ложной оппозиции политического субъекта власти с «гра-

жданским обществом». Здесь формально подразумевается конфликт интересов и наличие многих реальных субъектов влияния, то есть «большая политика». Содержание политики становится внутренним делом элиты, усугубляемым ее «закрытием». Роль «не-элиты» сводится лишь к формальным процедурам одобрения и легитимации уже принятых решений. «Смерть идеологического Модерна» реализуется здесь как отсутствие политически значимых субъектов «вне власти», общее падение субъектности социальных групп, неучастие общества в публичной политике. В «малой политике» нет столкновения политических перспектив реальных субъектов, а есть лишь механизм вытеснения политической патологии как не-нормы за пределы нормативного и институционального политического пространства. «Большая политика» наоборот появляется как реальное столкновение перспектив политически значимых субъектов, ведущее в своих крайних проявлениях к разрушению общества и государства, революциям и гражданским войнам.

Гражданское общество в условиях «малой политики» описывается по методологической модели атомарного индивидуализма. Приоритет индивидуализма над холизмом разрушает универсалии, которыми скрепляется общество. То есть из реального и воображаемого регистров исчезают как фантомы и государство, и гражданское общество, и народ, и классы и прочие холистские феномены, превышающие отдельного человека. Концепция гражданской политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы¹ рассматривает апатию граждан в условиях «малой политики» как норму для стабильных демократических обществ, которая должна смениться не менее нормативной вовлеченностью в политику при возникновении и развитии каких-то нежелательных общественно значимых событий, процессов, катастроф.

¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // ПОЛИС, 1992. № 4. С. 122-134.

Но проблема заключается в том, что состояние «политической аномии» для индивида может стать естественным и необратимым. Поэтому никакие потрясения и катастрофы уже не способны вернуть его обратно (ресоциализация, реидеологизация) в общество из самодостаточного частного мира. Гуманистическая мораль дает фундамент для легитимации подобной позиции. Признавая в качестве главной и неотъемлемой ценности человека его жизнь, общество не может предъявить каких-либо других ценностей и убедительных доводов, в соответствии с которыми человек «должен» подвергнуть свою жизнь смертельной угрозе во имя неких надындивидуальных сущностей и ценностей: Родина, государство, социальная справедливость, интересы некоего политического класса, так как они для него второстепенны в сравнении с собственной жизнью. Таким образом, реальное существование гражданского общества может быть связано только с состоянием «большой политики». В условиях «малой политики» гражданское общество стремительно превращается в «политическое воображаемое», в легитимирующее основание властных элит, заинтересованных в консервации статус-кво.

О функции компенсации

Таким образом, значимость идеи гражданского общества исторически связана с модерном, реальным существованием социальных классов и групп, чьи интересы аккумулируют и отражают политические партии в форме идеологий и утопий. В настоящее время гражданское общество в условно классовом обществе потребления все более представляет собой пост-модернистский (буквально как то, что имеет силу и приходит *после* профанизации Модерна) концепт, замещающий систему идеологических политических партий и социальных групп Модерна. Апология ценности консенсуального гражданского общества свидетельствует о

бессилии классов и политических партий, о том, что в силу совокупности причин оказались неэффективны в ситуации пост-Модерна.

Гражданское общество действительно может выработать консенсус, согласовать частные интересы, но оно не разрешает внутри себя фундаментальные классовые конфликты. Пост-идеологическая политика позволяет наблюдать ситуацию, когда жесткие идеологические дебаты правых и левых закончены, а на выборах побеждает властный популизм. Навязчивость концепции гражданского общества как безусловного политического блага позволяет предположить, что она выполняет некую функцию гиперкомпенсации в идейном поле политики. Гражданское общество восполняет нехватку реальных социальных групп, партий, идеологий. И гражданское общество здесь востребовано в идеологической сфере именно потому, что позволяет в какой-то степени компенсировать отсутствие привычной идеологической реальности Модерна. Но популярность любых интеллектуальных компенсаций не может быть вечной.

От «великих идеологий» к популизму

Еще К. Маркс призвал к концу «критической критики» и практическому действию, изменяющему социально-экономические условия, воспроизводящие ложное сознание. Стратегия открытия и обоснования ложного сознания своих политических противников автоматически вела к дискредитации их теорий, порожденных неистинным сознанием. Нужно было лишь указать на узкий классовый интерес как отсутствие трансцендентного основания в их построениях, раскрыть онтологическую тайну воспроизводства критикуемого типа идеологического сознания, детерминированного экономическими, историческими, культурными условиями своего непрерывного воссоздания. Однако позже этот прием стал все-